

Виктор ГАЛАНТЕР

Я был советским писателем дворянского происхождения

— Одна из первых книжек, которые читал мне отец, — «Дядя Степа». Даже, помнится, не читал — декламировал на память. Среди книг моего сына тоже, естественно, эти стихи. Интересно, а вы своим детям и внукам «Дядю Степу» читали?

— Они, наверное, сами читали, когда научились читать. Во всяком случае, если не мои дети, то другие — читали. Почти все.

— Ну это само собой. И все-таки: лично вы...

— Если в семье есть известный врач, то, когда его ребенок заболел, обычно приглашают районного врача.

— Хорошо. Если можно, о корнях, Сергей Владимирович. Ваша фамилия как будто бы восходит к пятнадцатому веку?

— Да. Михалковы — это были люди разных сословий: служивые, военные, бояре и воеводы. У меня происхождение вообще дворянское.

— Это не создавало вам помех, когда вы входили в пролетарскую литературу?

— Никогда.

— Чем вы это объясняете? Ведь время было специфическое.

— Людей дворянского происхождения совсем не обязательно преследовали. Бывшие дворяне работали и в дипломатии, и в Красной армии служили, и отец мой работал на советской работе. Был специалистом по промышленному птицеводству — на Северном Кавказе. Получил за заслуги персональную пенсию. Умер он в 32-м от воспаления легких.

— То, что вы выбрали именно детскую литературу, — веление души? Или, может быть, желание абстрагироваться от суровых реалий тех лет?

— Просто детская литература — тот жанр, в котором я лучше всего себя проявлял. Мою судьбу в литературе определили мои наставники, старшие товарищи — Маршак, Чуковский, Кассиль, Барто...

сами писатели — тайным голосованием. И четыре раза я проходил. А в 90-м году я подал заявление, что не хочу быть больше председателем писательского Союза. Я устал.

— Вы умели отличать людей, которые симпатизировали лично вам, от тех, кто симпатизирует вашим постам и регалиям?

— Я чувствовал к себе симпатию, как к человеку, потому что по-

ступать на горло собственной песне?

— Я не очень-то и участвовал в этих кампаниях. Но то, что я читал, мне категорически не нравилось. Я не выступал по этому вопросу в печати или на каких-либо собраниях. Но чтение этой писанины вызывало у меня глубокое отвращение. В том числе сочинения Даниэля и Синявского, кото-

Политические документы два раза не пишут

— Константин Симонов как-то сказал: талант Михалкова добр, что не мешает ему как сатирику быть злым до беспощадности. Сохранили ли вы свою сатирическую злость поныне? Что вас

туть, что мы и делаем.)... Это плохие стихи, которая комиссия по гимну забраковала. После этого он читает эти стихи по телевидению, печатает в «Комсомольской правде». Что я считаю глупым поступком автора. Выступать с текстом гимна можно только в том случае, если гимн принят. А печатать в газете неутвержденный гимн, по-моему, глупо.

— А у вас нет желания написать новый гимн?

— Нет. Я уже создал гимн в стране, в которой я жил и которой больше нет. Я считаю, что гимн — это политический документ. А писать новый политический документ для новой страны я считаю для себя просто некрасивым.

Воспитатель союзного значения

— Вы ощущаете себя живым классиком?

— Ощущения живого классика мне незнакомо. Меня знают, печатают, исполняют. Есть школа моего имени в Нижнем Новгороде, есть библиотека моего имени в Красноярске. Я к этому отношусь спокойно. А классик я или не классик, об этом пусть люди судят через пятьдесят лет.

— Что для вас было важнее: государственная или личная ипостаси вашей жизни?

— Думаю, личная. Поскольку я живой человек. А творчество — это личное дело. В общественной жизни я принимал участие в тех рамках, в которых мог себя проявить. Но не больше.

— Вы эпикурец?

— Люблю ли я маленькие радости жизни? Я люблю охоту, хотя теперь, конечно, уже не хожу. Люблю природу, люблю автомобиль — до последних лет сам водил машину. Ездил в республики, в другие страны — сам за рулем.

— Я слышал, вы не любите дачу.

— А дачу я не люблю.

— Почему?

— Не знаю. Я урбанист. Люблю выезжать на природу, но не жить на природе.

— В прежние годы вас можно было часто видеть в ресторане ЦДЛ в обществе очаровательных женщин.

— Ну я же живу через дорогу.

— И все?

— Приятнее посидеть в компании симпатичных женщин, чем в обществе собутыльников. Терпеть не могу компании, где пьют и рассказывают похабные анекдоты. Я не люблю гульбу. Я никогда не

была просто дочерью Петра Кончаловского, знаменитого художника, академика. Она была старше меня, она развелась. У нее росла дочка пяти лет, которую я удочерил. Она была очень способная, образованная женщина. Это мое счастье, что я ее встретил и она согласилась создать со мной семью.

— Неужто так сразу и «согласилась»? Как развивался ваш роман?

— Как все романы. Сначала встречаются, потом объясняются, потом расходятся или, наоборот, сходятся. Все романы развиваются ведь по одному и тому же сценарию. А вот то, что в результате этого сценария родились два сына, Андрей Сергеевич и Никита Сергеевич, одному шестьдесят лет, другому пятьдесят лет, — это уже, так сказать, финал «романа».

— Искромётный, я бы сказал, финал! Сергей Владимирович, вы принимали активное участие в воспитании сыновей?

— (Решительно.) Нет.

— Почему?

— Ну потому, что я был занят творческой и общественной работой. По своему характеру я не воспитатель в семье, я предпочитаю воспитывать чужих детей своими произведениями. Наталья Петровна была стержнем, вокруг которого крутилась вся интеллектуальная и духовная жизнь в семье, она сыграла очень большую роль в становлении моих сыновей.

Если бы был жив Ленин

— Вы часто с ними встречаетесь?

— Часто. Они приглашают меня на свои презентации, премьеры. Приходят ко мне, я к ним захожу.

— Простите за откровенность, видимо, это тоже из области досуговых домослов, но говорят, что в отношениях с сыновьями у вас определенные сложности.

— Ерунда. Никаких сложностей нет. В каждой семье бывают какие-то сложности, они и бывали, когда мальчики росли, когда что-то мне не нравилось в их поведении. Они мне всегда рады, всегда помогают, они мне звонят, если бывают за границей, — так что отношения самые замечательные.

— Вы были человеком как бы официальный, а Андрей Сергеевич и Никита Сергеевич тяготеют, скажем так, к левому флангу искусства. Были ли у вас идеологические разногласия?

— Мы, конечно, спорили, потому что время было довольно-таки сложное. Я член партии, они беспартийные. У них было свое видение, как у всех молодых художников. Им не нравилось, что их притесняют. Я соглашался, но в то же время и спорил: может быть, надо идти на какие-то компромиссы? У меня не было с ними серьезных споров, которые могли бы случиться, если бы они были диссидентами. Может, были бы не только споры, а — вражда. Но они не были диссидентами. Я не был доволен, когда сын женился на французке и уехал за границу, потому что у него ребенок родился и воспитывался там. Но он сказал, что уедет и вернется. Так и случилось. Он вернулся, тут у него жена, двое маленьких детей, квартира, дача. Но — опять уехал. Потому что режиссеру его масштаба здесь работать негде: никто денег на крупные картины не дает. «Одиссей» стоил сорок с лишним миллионов долларов: кто даст тут?

— Внуки у вас часто бывают?

— Я у них бываю. Они ведь люди взрослые, занимаются кинематографией. Оба хорошие ребята, Егор Андрея и Степан Никиты. Очень добрые, отзывчивые, звонят мне. Егор часто приглашает куда-нибудь сходить с ним: идем в какой-нибудь ресторан поесть, рюмку выпить. И Степан такой же. Так что отношения хорошие.

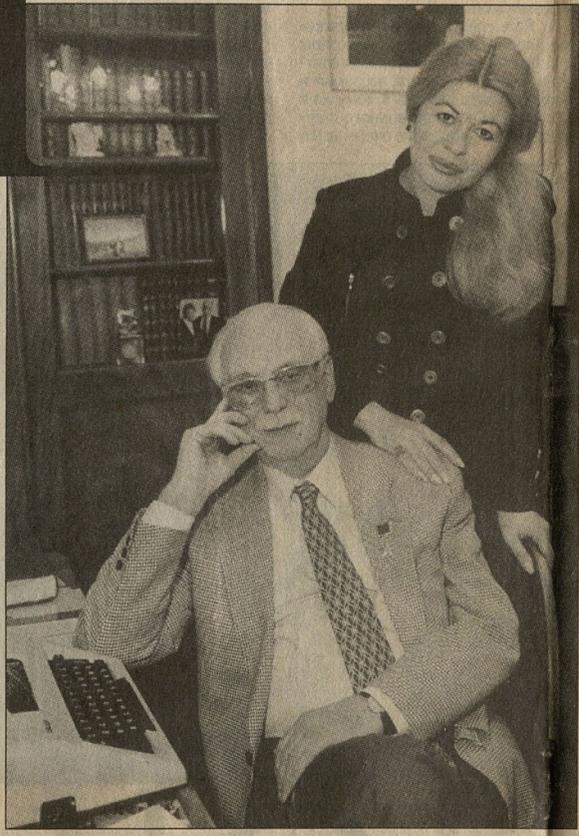
— Как с фотографом встретилась милая молодая женщина.

— Я женился.

Эпоха

Сергей Михалков:

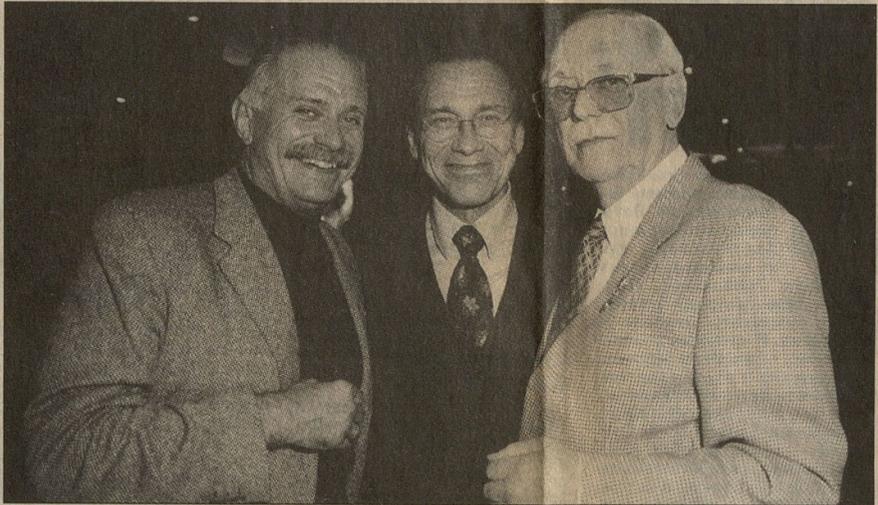
Дом на Поварской — напротив знаменитой писательской цитадели — Дома Ростовых. Так что ходить на руководящую работу в Союз писателей автору «Дяди Степы» было через дорожку. Первый этаж — спортивный магазин «Рибок» — словно вмонтированный в бастион мастодонтов советской эпохи символ нового времени. Сергей Владимирович живет на последнем этаже. Пиджак со звездой Героя Соцтруда на вешалке в его прихожей как бы символизирует эпоху отошедшую. Сам Михалков — тоже эпоха. Один список названий его книг занимает в библиографическом справочнике «Писатели Москвы» пять страниц. Перечень регалий — немногим меньше. Сергей Владимирович — герой и лауреат всего и вся. Об этом напоминают и застекленные «экспозиции» орденов, медалей и разнообразных наградных бумаг в его кабинете.

Ее зовут Юлия

Не каждому дано быть автором гимна СССР

Воспоминания - 1998 - 12 марта - с. 3.

«Они мне всегда рады»

и застекленные «экспозиции» орденов, медалей и разнообразных наградных бумаг в его кабинете. Здесь же — всюду — фотографии знаменитых сыновей-режиссеров. Михалков высок, прям и подтянут. Между тем на днях ему — 85. К тому же сравнительно недавно он попал в серьезную автомобильную аварию. Шутить знаменитый сатирик не любит — за все время разговора ни разу не улыбнулся. Не угрюм, но строг. Никаких интеллигентских реверансов. Разговор по существу.

могал десяткам людей. Я не боялся ходить по инстанциям — от райкомов до ЦК партии. Ко мне относились с уважением как к писателю и как к автору Государственного гимна Советского Союза.

— Вам случалось доходить и до высших руководителей страны?

— Почему же нет? Как-то хлопотал за одного врача, которого уволили — уже в брежневские времена. Ходил по всем уровням — везде обещали помочь, но не помогали. Он был еврей, замечательный врач. В конце концов я пошел к Лигачеву Егору Кузьмичу. И вопрос был решен. Был случай: человека посадили, дали девять лет. Я знал, что незаконно. Все мои хлопоты ни к чему не приводили, пока я лично не обратился к Брежневу. Он помог.

— Какое впечатление оставил Леонид Ильич?

— В то время, когда я с ним общался, это был контактный, внимательный человек. Хорошо слушал. Трезво оценивал обстановку. Он звонил мне, когда я получил звание Героя Социалистического Труда: беседовал со мной по телефону довольно запросто и доброжелательно. Нормальный, очень доступный в разговоре руководитель партии.

— Во времена борьбы с инакомыслием, в частности в писательской среде, не приходилось ли вам, как говорится, на-

прятался под именем Абрама Терца. А осуждали их, очевидно, как можно жить в советской стране, писать одно здесь и совершенно другое передавать туда. Я такого двуличия не понимаю: если уж ты боролся, то борись открыто — за это тебя можно уважать. Что касается Пастернака, то я его осуждал — вместе со всеми. За то, что напечатал роман — в котором лично я не видел ничего крамольного — на Западе. Если есть закон, справедливый или несправедливый, то изволь его уважать. Подчиняйся законам страны, в которой живешь. А как поэт его уважал. И был очень огорчен, когда в его адрес произносили грубые несправедливые слова, скажем, Семичастный или Никита Сергеевич Хрущев. Но я против этого не выступал, пусть сами отвечают за то, что говорят.

— А Солженицын?

— Его тоже осуждал вместе со всеми. «Архипелаг ГУЛАГ» — это не художественное произведение, это большой документ эпохи. И когда его напечатали, я, как председатель секции литературы комиссии по государственным премиям, предложил его кандидатуру на премию, и он эту премию получил.

— Ну это уже в перестройку. А тогда? «Архипелаг» же напечатан лет на пятнадцать раньше — «там».

— А что тогда? И в то время я понимал, что Солженицын больше публицист, чем писатель. Конечно, это не Толстой и не Достоевский. Но я уважал его за риск, которому он подвергался, создавая эту книгу.

не устраивает в сегодняшней жизни?

— Мне нравится свобода, но она, к сожалению, порой переходит в анархию. Нравится, что можно выезжать за границу. Нравится свободное предпринимательство. Мне не нравится огромное количество беспризорных детей, которых не было в мое время. Мне, безусловно, не нравятся те, кто происходит с пенсионерами. Не нравятся цены, которые доступны только сверхбогатым.

— А лично вы чувствуете себя экономически ущемленным?

— У меня нет никаких накоплений в сберкассе. Мне хватает пенсии и того, что я имею от издания книг. Вижу, в каком ужасном положении находятся писатели, которых сейчас не печатают. Теперь рынок определяет, кого печатать, а кого не печатать. А печатают того, кого покупают. Меня покупают. Плюс я редактор «Фитиля», академик Академии образования.

— Как вы, автор Гимна Советского Союза, восприняли развал государства?

— Конечно, с огорчением. Я жил в Советском Союзе, воспитывался в Советском Союзе, считал себя советским писателем. Я и сейчас себя считаю советским писателем. Что касается гимна, то раз нет страны, в которой я жил, а есть другая страна, то должен быть и другой гимн.

— Вы знакомы с новыми текстами гимна?

— Знаком. И ничего хорошего там не вижу.

— Как вам текст Евтушенко?

— (Своей лаконичной отсылкой Сергей Владимирович попросил опус-

бражничал. Не умею, как некоторые, гулять до утра. Всегда избегал этого, потому что я человек непьющий. В том смысле, в каком пьют писатели. Естественно, за 85 лет у меня было много знакомых, в том числе приятных женщин, с которыми я любил появляться в том же Доме литераторов. Почему нет? Это были писательницы или актрисы. Ну я же был пятьдесят три года женат, мой дорогой. Моя жена была талантливая женщина, с которой я отметил золотую свадьбу. А что касается досуговых вымыслов... Про каждого человека, который на виду, обязательно рассказывают всякую ерунду.

— Если я правильно понял, ваше общение с писательницами носило исключительно дружелюбно-интеллектуальный характер?

— Может, были какие-то увлечения, которые я теперь не анализирую. Во всяком случае, донжуанского списка, как у Пушкина, у меня нет.

— Вы, провинциальный молодой «гасконец», рабочий ткацкий фабрики, пусть и из «бывших», начинающий студент-литератор, по-дартаньяновски напористо покорили одну из самых обаятельных и аристократичнейших женщин Москвы. Насколько, разумеется, последнее определение применимо ко времени «победной поступи первых пятилеток»?

— Почему же провинциальный? Я получил среднее образование на Северном Кавказе и вернулся в Москву, где родился. Я бы не сказал, что Наталья была такой уж заметной фигурой в столице. Она

Жена и сыновья Сергея Владимировича. 60-е годы

— Простите мне неумность: вы отдавали себе отчет, что живете в неоднозначное время?

— (С легким негодованием.) Я жил так же, как все молодые люди моего поколения. Я воспитан советской школой, советской средой. Тогда происходили события, которые захватывали нас с головой: Испания, Абиссиния, чешские, папанинцы, Чкалов... Ну арестовывали людей каких-то вокруг. На митингах, в газетах их осуждали. Как мы могли разбираться в политических тонкостях, если лучшие европейские умы — и Фейхтвангер, и Барбюс — писали о Сталине, о Ленине самые восторженные слова? И Паустовский, и Чуковский — люди старше меня намного! Чуковский — не где-нибудь — в дневнике пишет восторженно о Сталине.

— ...А когда стали зрелым человеком?

— Когда я был зрелым человеком, я был советским писателем. Писал, что хотел, и все, что писал, печатают сегодня. Я руководил двадцать лет Союзом писателей России, я помогал писателям, поддерживал национальные литературы. Как всякий порядочный человек. Что касается отдельных нелепостей, свидетелем которых я был, я их осуждал. Я не боролся. Хотя и боролся: был редактором «Фитиля» тридцать пять лет. Я высмеивал и довольно резко осуждал в этом «Фитиле», который возглавил с благословения Хрущева, негативные явления. Меня поддерживало огромное большинство народа и, как ни странно, правительство.

Создатели Гимна СССР: Г. Эль-Регистан, А. Александров, С. Михалков

— Вы действительно писали все, что хотели?

— Все, что хотел.

— Без ограничений?

— Без ограничений.

Мои книги покупали своим детям и рабочие, и члены Политбюро

— Вы довольно рано вошли в, так сказать, литературный истеблишмент — в номенклатуру. И не только литературную. Только ли писательские успехи тому причиной?

— Думаю, что в первую очередь меня уважали как писателя. Детского писателя. Детям книги покупали родители, а родители были разные — и рабочие, и крестьяне, и учителя, и члены Политбюро. На пост председателя меня выдвигали

Фото из семейного архива и Сергея ПАНКРАТОВА. «ВМ»